

РЕЦЕНЗИЯ

на спектакль В.Борисова «Вот ведь не поверишь!..»

С годами всё более с горечью убеждаешься – насколько мало читает нынешнее юношество. Вот уже и имя Василия Макаровича Шукшина воспринимается как один из литературных знаков – не более. Не глубже. Не полнее. Но вот Кикиновидеопрокат предоставил возможность познакомиться с творчеством знаменитого писателя (и не только его) в рамках кинофестиваля «Свет Лучезарного Ангела» в жанре литературного театра – живом исполнении артиста из Санкт-Петербурга Владимира Борисова.

Спектакль «Вот ведь не поверишь!..» – в двух отделениях. Рассказ «Стёпка» составил первое. Еще до начала действия, когда публика только рассаживалась, из-за кулис Академического театра драмы послышалась приглушённая музыка: где-то далеко играл баян. Он звучал ненавязчиво: хочешь – вслушивайся, хочешь – пропусти мимо. Но этот фон очень естественно настроил зал на нужную волну: мелодии народные, все «на слуху», напоминают о чём-то родном, близком, о деревенских наших корнях. Сцена – просто «чёрный кабинет», на площадке – только два стула. Через некоторое время звуки баяна стали отчётливее – на площадке появился первый исполнитель, баянист (Пётр Шучалин), и уже он вызвал к зрителю артиста Владимира Борисова.

Лёгкой походкой, аккуратно и неброско облачённый в рубашку с открытым воротом, актёр взойшёл на подмости и – без предисловий – начал... Нет, *не читать* – он начал с залом *говорить*. Так говорят с собеседником о чём-то важном, наболевшем – о чём молчать уже невозможно. Но не с пылу-жару, не с наскоку, а обстоятельно, с паузами-раздумьями – так говорят о том, на что ищешь ответа и не находишь.

«Чёрный кабинет», казалось, ожил: в воображении постепенно возникли и неказистый весенний пейзаж с незлобивым переругиванием обитателей сибирской деревни, и запахи пробивающейся зелени, и вязкой грязи, разбуженной солнцем. А потом появился и сам герой, Стёпка – поначалу неясный, будто бы расплывающийся, усреднённый образ деревенского парня, а позже – всё точнее и ярче на фоне удивительно резко и ясно изображённых его родных и земляков: обстоятельного и немногословного отца, переполненной эмоциями немой сестры, откровенно заигрывающей с ним соседки, сурового, но неофициального в общении участкового и проступающий ещё целой оравы хмельных односельчан. Писатель каждому из них дал свой лексикон, а артист – каждому – свою неповторимую интонацию и свою голосовую приметку.

Артист то вставал со стула, то садился обратно, использовал необходимые редкие характерные жесты, зачастую просто замолкал ненадолго – и тогда осторожно в беседу вступал баян и так же осторожно стихал, оберегая установившуюся атмосферу доверительности. Баянист не играл слушателя: он просто внимал монологу, понимая, что собеседнику необходимо выговориться.

Владимир Борисов превосходно выстроил композицию своего пересказа истории В.Шукшина. Сначала дал обширную – пёструю, щедрую на детали – картину из деревенской жизни, и лишь потом сосредоточился на драме Стёпки – молодого, ещё наивного, неудачливого из-за своей доброты, выросшего в деревне и вросшего в неё душой и памятью. Три месяца оставалось до освобождения из тюрьмы – и сбежал: неудержимо, магнитным полем потянула к себе пробуждающаяся после зимы родная сторонюшка. Артист убедительнейшим образом передал – после упоительного наслаждения пляской в тесном кругу родни и щедрым на ласку приёмом – внезапную (хоть и ожидаемую) встречу с участковым, постепенное отрезвление и переход в обиденную и нерадостную реальность. Герой рассказа в исполнении В.Борисова на глазах зрителя взрослел. Взрослел, обнаруживая

которой сам стал виновником, и участь, его ожидающую, и – что ещё горше – разочарование родни, крушение их надежд. Старинная казачья песня «Не для меня придёт весна...» в прочувствованном исполнении артиста под баян завершила рассказ про бедного Степана, который без всякого злого умысла снова оказался в западне.

Во второе отделение В.Борисов включил произведения Василия Белова (бухтины завиральные «Купим новую» и «Миша-хышник»), Бориса Шергина (сказка «Золочёные лбы») и Михаила Зощенко (рассказы «Западня» и «Мещане»). Для восприятия зрителя второе отделение – находка: юмористические сказы воспринимаются легко и благодарно. Мастерство Борисова - актёра проявилось и в них: он искусно лепит образы тех, кто играет монологи; логика построения фраз и предложений безукоризненна; характеры героев монологов возникают в воображении зрителей без затруднений. Тем не менее, отбор произведений в один акт не производит цельного впечатления: они не объединены единой идеей, кроме желания позабавить публику. Но «Золочёные лбы», к примеру (на мой субъективный взгляд), просто не могут насмешить сегодня, поскольку без дополнительных объяснений непонятно, над чем можно посмеяться. А прихотливо сложенные комические сказы М.Зощенко с истинно народными бухтинами В. Белова никак не складываются. Хочется здесь отметить: байка про «Мишу-хишника» лучше всего принималась зрителями, а оставленные напоследок, т.е. на самое выигрышное место в спектакле, рассказы М.Зощенко оказались как бы в тени зрительского восприятия.

Кроме того, убедительность актёрского исполнения в первом отделении, основанная на естественной и неоспоримой связанности образа рассказчика с героями В. Шукшина (и с самим писателем), во втором отделении постепенно исчезала, несмотря на то, что исполнитель добросовестно переодевался при переходе от рассказов одного писателя к другим. Частая трансформация в героев, да ещё и представление авторов серьёзно между собой разнящихся – дело действительно непростое. Рассказчик – посредник, проводник энергетически заряженной мысли от автора к зрителю. Рассказывая, он передаёт отношение самого героя к случившемуся, но также и отношение автора к созданному сюжету и его персонажам. Тут одной трансформацией в образ персонажа не обойтись. Представления же об авторе в исполнении явно недоставало, - несмотря на соблюдение актёром авторской стилистики и орфоэпических особенностей прочтения текста. Здесь уже не использовалась возможность рассказ вести «от себя» - чтеца, современника 21 века, возможность передать *своё ощущение* автора и *своё отношение* к его персонажам, как случилось в рассказе про Стёпку. Там актёр оставался самим собой, а его сценический образ ассоциировался с Шукшиным и при этом совпадал с представлением о его героях. Там нам было интересно – ведь мы, слушатели, невольно отождествляем себя с идеальным (умным, всё понимающим, тонко чувствующим) интерпретатором, каковым, несомненно, является для нас чтец на театральных подмостках. Переодетый актёр уже требует другого к себе отношения, но также и других выразительных средств – уже из арсенала театра драматического.

Обаяние личности Владимира Борисова, его мастерское чтение и несомненно глубокую актёрскую отдачу сыктывкарская публика (в массе своей молодёжная – и тут надо отдать должное организаторам выступления!) оценила долгими аплодисментами в финале спектакля. Она оценила и великолепное музыкальное сопровождение Петра Шучалина (проявившееся в полной мере во втором отделении), с его уникальной способностью одновременно играть на баяне, петь и танцевать. Вместе они составили прекрасный актёрский дуэт, поддерживая сюжет и подпитывая друг друга эмоционально.

3. V. 2018

В. Морозова, театральный критик,
заслуженный работник культуры РФ и РК